

ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА ИВАНОВА КАК СЧАСТЛИВЫЙ КАНОН

Зоя Журавлева

В ноябре 1999 года исполнилось 20 лет пензенской Детско-молодежной Студии «Росток», возраст непредставимый для самостоятельного коллектива с учетом стремительной смены наших режимов-вкусовценностей. Художественный руководитель Студии Елена Валентиновна Иванова — профессиональная драматическая актриса, интересно работала в театрах Петрозаводска, Липецка, Грозного, Пензы, всегда совмещая это с самым для нее любимым — занятиями с детьми. «Росток» постепенно стал главным в ее жизни. И она оставила профессиональный театр — не потому, что там не заладилось, а по свободному выбору души. Ушла туда, где ей — необходимей, трудней и счастливей. Елена Валентиновна — давний член нашей Ассоциации; вместе с тремя старшими своими студийцами — Ларисой Шаминой, Олегом Горбуновым и Дмитрием Монаховым — она участвовала в Суздале-96 («Математика и искусство») и Суздале-99 («Языки науки — языки искусства»).

Мы ехали вместе из Суздаля и, наконец, разговаривали. И она рассказывала мне, какая в Пензе жизнь: довольно, по ее словам, спокойная жизнь, этой осенью набрала в Студию малышей, очаровательных, такие рыбки, есть с кем работать, дома стало проще с хозяйством, через день она варит казан пшенки с луком и через день — макарон, иногда с морковкой, этого хватает на всех, кому надо, и возни почти никакой, греются газом, конфорки на ночь не выключают, это удобно, потому как тепло, деньги больше — экзотика, хоть без них все же никак, старшие, особенно — у кого дети, работают в трех-четырёх местах, ну, как всюду, на Студию уже нету времени, вот это плохо, некому с новыми рыбками заниматься, но кое-кто — далее длинный ряд знакомых имен: Ларочка, Дима, Олежек, Миша, Сережа, Виталий, Катя, Саша, etc. — пока, конечно, есть, а вот недавно один ребёнок, у нее все — ребёнки, этому далеко за двадцать, заработал — сбоку, сбоку, на заводе с весны не платят — бешеную сумму, сто восемьдесят, по-моему, рублей с чем-то, и она ему все расписала, что купить, живет-то один, тут она, как всегда, легко вставила для меня биографию ребёнка, она ему расписала — муку, чай, сахар и прочее, и была за него целую ночь спокойна, а утром он пришел в Студию какой-то уклончивый, глаза прячет. «Я ему говорю — купил? Ой, — говорит, — Елен-Валентинна, я только чаю купил, попались исключительные записи-пластинки Александра Сергеевича Пушкина. Представляешь? Все деньги просадила!» Я — представила. «А зачем ему столько Пушкина?» — «Ой, Зока, он такой умный! Они у меня все исключительно умные!» Я понимающе хрюкнула. Она светло обиделась, вообще-то обижаться не умеет, все несовершенства мира относя исключительно на свой счет. «Ты же знаешь, какие они!» — «Да знаю, знаю, успокойся!» Тут она на меня пронзительно глянула. «Чего у тебя лицо такое? Мы же сами себе жизнь выбрали. Вон на рынке требуются продавщицы. Так я ж — не пойду! Была и буду работать в культуре». Ух ты, давно не слышала, чтоб скукожившееся слово «культура» звучало так гордо.

Что тут скажешь? Да ничего. Кроме того, что она умеет быть счастливой, потому что жизнь свою делает сама и ничего ни от кого не требует, кроме своих детей, каковым от шести до тридцати, наверное, трех. И от них она тоже не требует, а душу им вынмет, коли

они не соответствуют тупым ее правилам — не соври, не предай, дал слово — держи, искусство — это высоко, сцена — это работа, а жизнь это — добро, но дисциплина и спрос с себя, понять не всегда значит простить, но простить надо уметь. И т. д. Слушать ее сентенции — на мой избалованный вкус — утомительно, настолько они немодны и однообразны. И вид ее не внушает уверенности, что она знает, как надо жить. Ибо одета она невпопад, не причесана вовсе, а просто волосы красивые, сами лежат, речи ее просты до примитива и вкусы ее старомодны, добро да добро, ну, чистый попугай. Крупный, веселый, говорящий. А лицо свежее, ни морщинки, будто умыто из горного ручья, словно бы никаким сомнением не тронута, может — мыслью, глаза блестят за очками горячо и наивно, что такая удивительная вокруг жизнь.

Как же это она, моя подруга Лена, ныне — Елена Валентиновна Иванова, бывшая драматическая актриса, чьи даже крошечные характерные роли я и через тридцать с чем-то лет счастливо помню, оставившая без сожаленья профессиональный театр, где ее никто не гнал, простодушная и бесстрашная моя Ленка, — среди бешеного нашего кипятку — создала, придумала и выпестовала, хранит, лелеет и держит несгибаемую эту страну именем Студия «Росток»? Как же ребёнки-то ее не устали от страстной ее настырности и дикого ее занудства, чтоб они круглосуточно соответствовали упертым ее стандартам? Почему давно — с удалыми криками — не разбежались мальчишки-девчонки по вольным подворотням, где никто не требует высоты, а свобода низкого так сейчас соблазнительна? Почему не уходят они стройными рядами ну, хоть бы в Школу карате, что так модно и, заодно, отобьешься потом в собственном подъезде, а старшенькие — хоть в Школу менеджеров, что ведь так перспективно? Почему ж ее близкие-старшие идут, как заговоренные, в Педагогический институт, а после него — не по фирмам, а прямо — в школы? И у них, у всех, такие осмысленные, красивые лица, хоть пиши с каждого портрет? И вот еще я на чем себя поймала, вовсе уж бред! Оказывается, когда я вдруг впадаю в сомнения, целы ли мы еще, не рухнула ли человеческая наша сущность от очередных наших передраг, живы ли еще краеугольные наши вера-надежда-любовь-культура-вообще, я прямым ходом несусь именно к Ленке в Пензу. И именно Студия «Росток» всякий раз возвращает мне уверенность, что мир — цел, он по-прежнему прекрасен в своей повседневности, неколебим в простых человеческих ценностях и притягателен силою искусства. Но оживив возле Е.В. и благодаря Е.В. свой уставший организм, я тут же начинаю к ней придираетсяя.

Зачем же так прямо? Девочку надо уважать! «А с ребятней, Зока, иначе нельзя». Да за что? Какая ведь еще девочка, — скажет современный мальчик. Любую. Надо. И ведь ошутима эта трепетность: мальчиков — к девочкам. Девочки, кстати, не красятся, она в Студии этого не разрешает, лицо должно быть — свое. Любит косы. Кто может — выращивает. Красиво! «А мальчиков — что, не надо, что ли, уважать?» — «Что ты?! Мальчишество — тем более. Они, знаешь — какие хрупкие! От ерунды могут сломаться. Мальчишки очень зависят от того, какие девочки». — «А девочки?» — «Девочки? От того, какие мальчишки». — «Так это ж замкнутый круг». — «Ага. Я же в нем и кручусь. Ничего нельзя пропустить». Вот недавно человек, седьмой класс, носил серьгу в ухе, как человек. И ему, кстати, шло. Но он репетировал не то князя Горчакова, не то барона Дельвига. И она сказала: или серьгу вон, или из Студии! Он, ясное дело, дал понять, что серьга дороже. Ну, значит, другой будет барон. «Ужас как я переживала! Ведь гордое такое дите, не придет завтра». Но назавтра исчезла серьга. Пустяк? Или не пустяк? «Не знаю, Зока. А промолчишь — человека можно потерять». Может и так. У меня в голове с давних лет засел такой еще случай из практики. Студия тогда только-только начиналась. И прибился мальчик, как тогда выражались — трудный, в школе его ловили на воровстве, еще где-то, слухи, что с шайкой связан, приводы в милицию, скандалы в доме, до драки с собственной матерью. В Студии он как-то быстро прижился. У него получалось. «Деликатное такое было дите. А как с маленькими возился! Как нянька». Денег у Студии, как всегда, не было, и мальчишки разгружали вагоны — на декорации к Елочкам. «Я, Зока, по комиссиям-

кам за свадебными платьями бегала. Белые, с рюшечками, помнишь? Буквально даром! Накуплю платьев и снежинки у меня — как невесты!» А изверившаяся мама юного джентльмена, по привычке, обшарила перед сном его карманы. Обнаружила деньги. Сгоряча въехала сыну по физиономии. Он хлопнул дверью. Прибежал ночью к Лене через весь город. И, думаю, был хорош — так, что даже она испугалась: «Солнышко, ты чего?» — «Да мать...» — только и успело молвить Солнышко. «Ты что, сволочь, мать ударила?!» — «Как можно, Елен-Валентинна! Она ж — женщина».

Грубо как: «сволочь», мальчику, художественный руководитель. Она, что же, и так с ними разговаривает? Нет, не так. Это у меня, может, прозвучало грубо, ибо слово невынимаемо из контекста, смысл его — в интонации, в выражении лица и всплеске рук, во всей многогранности момента и атмосферы, за словом, под словом и в тених слова. Здесь — болевой шок, обоим участникам вполне внятный. Ибо покушение на основы: «мать — это святое». Грозит разрывом отношений. Потому и ответ столь ошеломительно точен: «Она ж женщина». Чувствуете? И что, на мой взгляд, особенно ценно: ответ — инстинктивен, как броситься в реку спасать ребёнка. Это, значит, уже у человека в костях — «надо уважать, потому что иначе сам себя уважать не сможешь». Не знаю, как она этого добивается. По совокупности. Знаю только, что грубое слово в коллективе Студии непредставимо вообще. Хоть, сами догадываетесь, новички зачастую только с тем и приходят. Слетает, как шелуха. И все они, большие и маленькие, завидно терпеливы и обходительны друг с другом. Ей-ей, производят впечатление прямо-таки благовоспитанных. На концертах, когда выступали где-нибудь в парке или в каком еще людно-случайном месте, не раз среди зрителей слышала: «Ну, это детишки по конкурсу. Небось, одни отличники». Это мамы-папы так реагировали на веселую слаженность и недостижимую всеумелость: только что был в хоре солист, уже он даму свою ведет, как в кино «Война и мир», и вдруг он — мим, да как здорово, и сразу — уже на флейте играет, нет, уже на рожке, глянц — уже он с барабаном. А, помню, в Астрахани — я с ними однажды на фестивале была — меня поймал в коридоре директор гостиницы: «Вы, вроде, с ними? Странные ребята какие-то...» — «А что?» — испугалась я. «Ничего не разбило. В душе после них чисто. Не орут. И учительница, эта, полная такая, не видать, чтоб командовала...» — «Ааа, — засмеялась я. — Это самоорганизация из хаоса». — «Научный городок?» — догадался он.

«Так и сказал? — смеется. — Ну, это ты, Зока, сама сейчас придумала». — «Да клянись!» Хотя отчасти она права. Я нарочно путаю лица и факты, чтоб никто из них ненароком себя не узнал. Отношения людские слишком интимны. Я, увы, не рискую приводить тут гениальные ее ходы во благо ребёнок, потому как все это — живое, единственное, постоянное на тонкой психологической вязи и беззащитном доверии. Это все — их тайны, их победы и их тихие битвы. Мы, предположим, порадуемся, прочитав, а там может оборваться тонюсенькая ниточка, робко протянувшаяся от маленького человека к миру. Не актеров же, в самом деле, растит Елена Валентиновна Иванова в своей Театральной Студии! Нет, театр, столь нами с ней любимый, — лишь роскошное и неисчерпаемое средство, чтоб ребёнок был счастлив, напотом и сейчас, мог бы во всем сам себя попробовать, ощутил восторг высоты и прекрасный озноб сопричастности. За двадцать лет через Студию прошло почти триста человек. Ну, прошли и прошли. А потом вдруг видишь такие поучительные сценки. Ей, к примеру, вступило вдруг в голову вытащить человек двадцать в Москву на фестиваль. Это — сейчас, в наши жесткие времена! При казане с пшёнкой на всех! «Они ж, Зока, в последние годы ничего не видят. А музеи? А театры? Нет, так нельзя!» И ведь — вытащит, вот в чем гвоздь. Потому как в самый последний момент, когда все рыдания ничего не дали, вдруг кто-то откуда-то пригонит щелястый автобус, чтоб они немедленно с визгом в него запрыгнули и катили за семьсот с лишним верст в метель с песнями. Этот кто-то — всегда бывший студиец, его — вроде бы — давно потеряли. Или, может, родитель бывшей студийки, который, кстати, с Еленой Валентиновной вечно скандалил, что дочь до двенадцати ночи болтается в каком-то ДК неизвестно зачем. А когда этот сказочный драм-

дулет уже готов тронуться, вдруг подбегает волосатый громила с мешком: «Ой, Елен-Валентинна, думал — опоздаю. Я тут муки немножко принес. Пригодится». — «Спасибо, солнышко. Я всегда знала, что ты добрый». А из автобуса радостный вопль: «Стасик!» — или «Митя!», или «Рыжий!», или еще как-то. — «Давай с нами!» Это, значит, тоже свой человек, бывший студиец. А сейчас у него палатка на рынке, он случайно узнал, что они собрались, вот, успел. «Зока, знаешь, как много хороших людей? И все мне помогают. Я — правда — везучая!»

И в Москве, можете быть уверены, они попадут всюду, куда Елена Валентиновна выберет: в Ленком, в Сатирикон или к Фоменко. «Я больше ничего не могу. Но для моих рыбочек я могу». Видала я, как это бывает, для меня это — всегда загадка. У театра — столпотворенье. Ленины дети жмутся к стенке, они ж непривычные к столичным нравам. Администратор, известное дело, волк. И к окошку-то не пробиться. Но Елена Валентиновна весело уходит внутрь. Ее долго нету. Возвращается. Подает нам оптимистические знаки, чтоб, мол, надеялись. Опять скрывается. Снова выходит. И еще. И еще. Там, небось, уже начался спектакль. Народ рассосался. Одни торчим на ветру. Лена — тоже с нами, молчит, ни малейших признаков беспокойства. Двери уже изнутри закрывают. Вдруг выскакивает какой-то ферт, как потом выясняется — именно сам администратор. «Где тут Студия?» — «Вот они мы», — это Елена Валентиновна. «Быстро, в ложу! — это администратор. — Все, все. Быстро!» — «Да они бы и на полу посидели!» — «Тихо! Все прошли? Этот тоже ваш?» Так приблизительно это каждый раз выглядит. «Лен, а чего ты ему говорила?» — «Да ничего такого. Дети же! Им же расти». — «Это я понимаю. Но как ты ему-то втолковала?» — «Он же в театре, Зока, работает. Он добрый». Тьфу, бесполезно разговаривать.

Я нарочно ее не спрашивала, чтоб и между нами жила тайна. Может, это уже легенда. Но, по слухам, Елена Валентиновна и у военного министра на приеме была. Кто-то из старших, вроде, служил на Байконуре, а у них правило — Студия всенепременно должна посетить то место, где их мальчик служит. И в Среднюю Азию ездили, и в Прибалтику, еще в какие-то города и веси. Как же! Они же не могут своего студийца два года не видеть! Он — тоже не может. Вот они поставили новый спектакль и должны ему немедленно показать. Пусть его новые товарищи тоже увидят и им всем легче будет служить. Представляю, как она все это объясняла военному министру! Он, правда, в те времена не так был занят. А Студию, между прочем, всюду пускали. И вот еще что: каждому мальчику, кто служил, каждый день писали письма. И от них каждый день получали. Эти толстые связки я сама видела, кое-что читала. Если б мне такие письма писали, я б, наверное, совершила бы для человечества что-нибудь выдающееся: открыла бы, например, пенициллин или написала б «Ромео и Джульетту». Помню, как в Ленинграде она бросилась на шею своему ребѣнку, который — в полной форме и при ружье — стоял в карауле перед каким-то секретным заводом. Прямо с поезда понеслась. «Я, Зока, так по нему соскучилась! Девчонки пирожков напекли!» Ребѣнок окостенел, стоит, шевельнуться не может, скинуть ее стесняется, рад, конечно, до смерти. Я — предусмотрительно — в стороне. И была права. Тут же возник какой-то военный начальник: «Мамаша, назад! Буду, черт, стрелять, что ли!» Она — начальству: «Солнышко, это же наш Сережка. Мы, знаешь, как по нему соскучились». Потом мы в дежурке пили чай с пирогами. «Ты хоть думай, чего ты делаешь. Это все же армия». — «Да мне, Зока, некогда с ними думать. Я — нутром. Мир-то держится на любви».

Ее ученик несколько лет назад сделал хороший спектакль. Ну, сделал — это, пожалуй, слишком сильно, но придумано было интересно, глубоко и даже изысканно, и отдельные сцены пульсировали живым, не в силах соединиться, чтобы стать именно спектаклем. Умения не хватало, что естественно. И тогда за дело взялась Лена, как это в театре: пришел мастер, что-то чуть приглушил, там сократил, тут выкинул, здесь на миллиметр переставил, это — светом, то — музыкой. И вдруг заиграло! Ученик: «Вот ведь не скажешь, Елен-Валентинна, что Вы такая уж умная или такая уж у Вас эрудиция и высокая культура, а как у Вас это получается?» — «А вот это, Андрюшенька, и есть талант». Я обмерла. Царский

ответ! Мгновенно, кратко, попадание в сердцевину, и ухом не поведя, даже и не заметив, и на миг не потеряв главного — того, что рождалось на сцене. Насладившись ответом, я вернулась к вопросу и нашла его, мягко говоря, излишне вольным. Оскорбилась за Ленку. Он, которому она все, что он умеет и когда-нибудь будет уметь, оценивает, видите ли, ее культуру и эрудицию! Попыталась сказать это Елене Валентиновне. Выяснилось, что она вообще этого эпизода не помнит. А когда я растолковала, эффект был бурный, но совершенно же не тот: «Напереживалось дите!»

Вот в чем, наверное, главная ее сила — счастливая естественность, с которой она живет этой общей нерасторжимой их жизнью, именуемой Студия. Никогда не пожелала она для себя ничего, чего не может иметь с ними вместе, и никогда им ни в чем не солгала. Поэтому они возникали, возникают и будут возникать вокруг нее. У ребѐнков — неистребимый нюх на настоящее. А она всегда будет ставить спектакли про любовь, потому что это — настоящее.

Здесь мы, наконец, мягко приблизились к последнему спектаклю Студии, о котором меня с первых строк так и тянет поговорить. Удивительный этот спектакль — «Воспоминания об Онегине». С трудом удерживаюсь, чтобы не повторять все время слово «удивительный», потому что все тут поистине удивительно. Пушкину на сцене — лет 8–9, никакого «Онегина» он, само собой, еще не писал, это вообще — сплошь предчувствие — жизни, судьбы, героев и персонажей, они — сновиденьем или прозрением — роятся в воздухе. И у Пушкина тут — две музы, против обыкновения мужского рода, Злой Муз и Добрый. Черти-знает, что это за жанр, означенный автором как «несерьезная фантазия на пушкинские темы», — то изящная пародия, то вдруг почти школьный литмонтаж, то вдруг Чеховым саданет, то смешно до колик, то вдруг в душе торжественно и чудно, как зимней ночью на Красной площади, когда кругом никого и история отечества так и ударит в голову. Странную эту пьесу написал студиец Виталий Соколов, системный-программист, поставил — Дмитрий Серов, учитель истории из Белинска, это сто километров от Пензы, давний друг Студии и сам имеющий в школе свою студию, а художественный руководитель, ясное дело, — Елена Валентиновна Иванова. Пушкина играет Саша Сусович, 7-й класс, его больше зовут теперь «Александр Сергеич». И, клянусь, есть за что! Дико, но из всего, что я, к примеру, живя в Санкт-Петербурге и месяцами толкаясь в Москве, за юбилейный год видела, это — самый Пушкинский спектакль: искристый, неожиданный, интеллигентный, пронзительный, легкий и добрый. Хочется — как о человеке — сказать: нравственно безупречный, вот до чего. Такое просто так не поставишь и не сыграешь. Такое может родиться только в культурной среде и уже своим появлением эту среду создает.

В конце спектакля на секунду возникает Натали Гончарова (Настя Полякова, 6 лет), со своей мамой (Лариса Шамина). Просто — чтобы обозначиться как судьба. Пушкин в этот момент слегка дерется с Дельвигом-Горчаковым-Кюхельбекером, само собой, лицеистами. «Мама, а они не сделают друг другу больно?» — вот единственная фраза маленькой Натали. И ответ взрослой Гончаровой: «Ну, что ты, Наташенька?! Они же — друзья и останутся друзьями на всю жизнь». Вслушайтесь в этот крошечный диалог! Кажется, он только тут и мог появиться, в Студии «Росток», — как девиз и пароль коллектива и его руководителя.

В ноябре 99 года Студия отметила свой двадцатилетний юбилей. Мы с Галиной Юрьевой — были.

А когда возвращались поздно ночью из Дворца культуры, что-то вдруг взблеснуло в сугробе. Лена проворно нагнулась и выхватила: «Ой, Зока, погляди, что я нашла!» Это была большая, со столовую ложку, зеленая пуговица, овальная, с черными глазками-дырочками и загадочно светящаяся. «Волшебная! Хочешь тебе подарю?» — «Я потеряю...» — «Ну, Димке подарю». — «Да зачем ему?» — «На счастье. В „Сказочку“ ее вставит. Он, знаешь, какой умный! Японский учит». Вот ведь зануда...